

Иван Аксаков

Записка о бессарабских раскольниках

Иван Сергеевич Аксаков

Записка о бессарабских раскольниках

«Во исполнение возложенного на меня поручения собрать сведения о настоящем положении раскольничьих дел в Бессарабии, я объездил почти всю эту область, и представляя здесь все свои замечания в совокупности, считаю нужным для большей ясности начать с географического описания местности тамошнего раскольничьего народонаселения и потом уже перейти к изложению способов его пограничных сообщений, политического оных значения, ожиданий и надежд раскольников и, что всего важнее, отношений их к новой лжеиерархии...»

Иван Сергеевич Аксаков
Записка о бессарабских
раскольниках

Во исполнение возложенного на меня поручения собрать сведения о настоящем положении раскольничьих дел в Бессарабии, я объездил почти всю эту область, и представляя здесь все свои замечания в совокупности, считаю нужным для большей ясности начать с географического описания местности тамошнего раскольничьего народонаселения и потом уже перейти к изложению способов его пограничных сообщений, политического оных значения, ожиданий и надежд раскольников и, что всего важнее, отношений их к новой лжеиерархии.

Бессарабия – пестрый край, населенный молдаванами, русскими, евреями, греками, армянами, русняками, хохлами и цыганами, – край, прилегающий к Турции, Молдавии и Австрии, служит издавна приютом бродягам всякого рода и местом постоянных сообщений наших русских раскольников поповщинского толка с их заграничными единоверцами.

Эти последние сообщения примыкают к трем главным пунктам, из которых Прут и так называемая «сухая австрийская граница»

могут быть отнесены к одному разряду, а Дунай с Турцией составляет отдельный самостоятельный пункт с совершенно особенным значением. За Австрийской межей, в Буковине, находится знаменитый раскольничий монастырь, Белая Криница, главное местопребывание новой лжеиерархии; за Дунаем, в селении Журиловке, проживает свой раскольничий архиерей; в Молдавии же, сколько известно, в настоящее время нет чинов их высшего духовенства, кроме простых иереев.

В этом смысле следует необходимо отличать Верхнюю Бессарабию от Нижней, или собственно от Буджака, страны придунайской. Раскольники, живущие в первой (знаменитое между ними село Грубно, Хотинского уезда), губернии западные и московское Рогожское кладбище преимущественно избирают для своих сношений Прут и речку Ракитну [1]. Буджак с некрасовцами, с турецкими выходцами, с беглыми из России, Херсонская губерния, вообще весь южный Новороссийский край и Дон направляют свое движение к Дунаю.

В последнее время, по случаю воспреще-

ния свободных сношений с чужими краями, затруднений в получении заграничных паспортов, прекращения торговли скотом с Австрией, возобновления действий карантинных и расположения наших войск вдоль Границы, раскольники не могли иметь открытых сообщений со своими единоверцами; но тайные продолжают и доселе. Спрашивается теперь: есть ли возможность возбранить эти тайные переходы за границу мерами полицейскими?.. Вопрос этот разрешается при одном взгляде на страну, где дух жителей, отвыкших от всякой письменности и формальностей под турецким владычеством, до сих пор не может подчиниться паспортному благоустройству и где сама природа, так сказать, дала у себя приют всем элементам бродяжничества. В самом деле, относительно жителей эти слова подтверждаются несомненными фактами. Царане, после положения 1834 года, воспользовавшись объявленным им официально правом перехода, не исполняя никаких предписанных формальностей, без перечисления Казенною Палатою, без билетов, до сих пор кочуют с места на место. Нормальный

контракт 1846 года с величайшим трудом вводится между ними, и они продолжают отыскивать между немногими помещиками и многочисленными посессорами более снисходительных, таких, которые согласились бы на выгоднейшие для них условия. С другой стороны, евреи, которых льготы, дарованные Бессарабии, заставляли приписываться туда в огромном количестве, из которых немалая часть существует под именами давно умерших и множество проживает неизвестно где, без всяких письменных видов, замедляют успех составления им переписи и чрезвычайно затрудняют надзор местной полиции. Из причисленных к одному Кишиневскому еврейскому обществу 362 семейства пребывают вне города, в местах неизвестных, без паспортов и без уплаты податей, падающих огромною недоимкою на их оседлых сообщественников. Наконец, поселившиеся здесь русские беглецы, сохранившие свой вольнолюбивый характер, множество разноплеменных бродяг и рыболовство в устьях Дуная делают Бессарабию вполне удобною для тайных пограничных сношений. К тому же большое число рус-

ских и иностранных колоний и пестрота вероисповеданий всякого рода производят как в православных жителях, так и в местных властях совершенное равнодушие к проявлениям тех или других религиозных мнений. Русские раскольники, какого бы ни были толка, называются здесь общим именем липован и даже иногда молокан, а невежество полицейских чиновников относительно значения каждой секты делает их еще более неспособными к особенному скрытому надзору за действиями старообрядцев.

При такой неблагонадежности полицейского благоустройства, рядом с ним существует крепко организованное в своих частях общество, тесно сплоченное возбужденными извне преследованиями в одно твердое целое, проникнутое ложным, но сильным убеждением и фанатизмом, ежечасно разгорающимся, дружное, не дремлющее и бодро стерегущее каждый удобный для себя случай. Огромные капиталы состоят в его распоряжении, и пожертвования присылаются из самых отдаленных краев России, чему имеется много доказательств в делах Министерства и чему я

приведу только два свежих примера. Недавно одна казачка в Уральске, умирая, завещала в пользу кишиневской старообрядческой часовни свое имущество, и деньги, пропутешествовав целый год, достигли наконец верно своего назначения. В прошлом году кишиневская купчиха Пелагея Федорова Пучница, продав все свое имение, с вырученною суммою удалилась за австрийскую границу. У раскольников свой маршрут, своя почта, свой энигматический язык[2], свои шпионы, своя стража; но все действия их сопровождаются глубочайшею скрытностью, между тем как внешнее их поведение большею частию тихо, смиренно, и они редко попадают в полицейских проступках.

Вот что замечено мною в Верхней Бессарабии.

Проезжая от пограничного на Пруте местечка Скулян до местечка на австрийской границе, Новоселицы, я убедился лично, что почти в каждом пограничном селении[3] живет по одному или по два липованских семейства, составляющих таким образом целый ряд пикетов своего рода. От Новоселицы, где

нет раскольников, далее по сухой границе на самой меже, в Колинкоуцах, проживает по паспортам целая раскольниковья семья, братья Пешехоновы, между которыми должен находиться и Денис, имя коего уже замечено Министерством внутренних дел. В пограничной с Австриею волости Грозенцах, в 18 верстах от Новоселицы, лет 13 сряду имел пребывание известный между раскольниками богатый купец Гур Ильич Велиженко, или просто Гурка. Уроженец другой губернии, он еще в детстве был приписан к Грубну, куда приписываются почти все беглые раскольники, и в Грозенцах управлял имением генерала Недобы, со смертью которого был устранен от должности наследником Недобы, с год тому назад, и ныне уже держит сам посессии около Хотина. Во время своего проживания на границе он, по общему отзыву, держал постоянный приют своим единоверцам, производил сношения с австрийско-подданными раскольниками и нередко ездил сам в Белую Криницу. Впрочем, несмотря на то, имя его пользуется всеобщим уважением даже между православными. В Червленах, верстах в 18 от Новосели-

цы, проживают по паспортам два австрийско-подданные старообрядца Лазаревы. Поэтому побег через австрийскую границу совершаются очень легко и часто: брат Груки, заподозренный в переводе военных дезертиров в Австрию, был предан суду и, хотя следствием обстоятельство это и не было раскрыто, однако он бежал за границу. То же самое сделал закоренелый раскольник Лакеев, житель Грубна, один из важнейших между ними. Обвиненный в совращении в раскол православной девушки и в переводе ее за границу, он был заключен в острог, потом выпущен на поруки и оправдан первою инстанциею, но тем не менее оставил Россию[4]. При этом кстати заметить, что раскольники всех сект, которые вообще ведут себя чрезвычайно скромно и осторожно, если попадают в каком-либо преступлении, немедленно удаляются за границу, и строгие приговоры судов часто остаются без исполнения. Примером могут служить молоканы: Шлехин, осужденный к переселению за Кавказ, и зять его Николай Колетин, который ошибочно в делах Министерства признается поповщицем. В

прошлом году также бежал к липованам в Криницу со всем семейством писмоводитель Хотинской градской думы, православного вероисповедания, похитивший наперед часть денег, принадлежавших Думе.

Невольно рождается вопрос: каким образом избегают они преследований пограничной стражи? Но надо знать, что по Пруту, который во многих местах очень мелок и узок, кордоны отстоят на одну и на две версты друг от друга, а по сухой границе на пять и более, и в темную ночь или в густые туманы невозможно усмотреть отчаянных беглецов и самой верной страже. А между тем известно, что когда цепь пикетов содержали донские казаки, то, будучи сами ревностными старообрядцами, они не только не препятствовали, но содействовали побегам. Теперь же, когда место казаков заняли солдаты русские и православные, они делают то же, но из других побуждений. Вот что передал мне перевозчик контрабандистов и раскольников в Молдавию еврей Гершко, предлагавший доказать это на деле. Они отправляются прямо к начальнику местной стражи, договариваются с

ним за известную цену, берут от него солдата, с которым и переправляются за границу. Солдата этого держат там до тех пор, пока не перевезут всего транспорта, а иногда, если они намерены скоро возвратиться, до тех пор, пока не перейдут обратно и не удалятся на известное расстояние от берега. Если же пограничный начальник не согласится на договор, то они, хотя и с большим риском, умеют обходиться и без его содействия. К тому же были примеры, что часовые и целые караулы оставляли свои посты и сами уходили за границу. Поэтому не надо удивляться, отчего сообщения раскольников между собою так легко производятся, несмотря на все, по-видимому, благонадежные меры, и почему кишиневские купцы Пискаревы еженедельно сносятся с братом своим, проживающим за границую, и привозят оттуда контрабанду, которую сохраняют у себя на дворе в стогах сена. Хотя это последнее обстоятельство было мне достоверно известно, однако я не решился давать о том знать полиции и вообще разрушать этот путь сообщения: я полагал, что при всяком подобном действии с моей стороны расколь-

ники сделались бы еще скрытнее и непременно проложили бы новую дорогу, о которой правительство могло бы еще долго оставаться в неизвестности. Теперь же наблюдение за характером сообщений и качеством лиц перевозимых несколько удобнее. Я поручил еврею Гершко продолжать свое ремесло, давая только знать о том каждый раз назначенному мною агенту, который уже будет посылать свои донесения Министерству, таким образом, еще при бытности моей в Бессарабии, он уведомил меня, что подрядился перевезть в Белую Криницу двух старообрядческих черниц, прибывших для этого из Москвы, и что многие договаривались с ним о переправе их за границу, в случае, если не придет поп из России.

Понятно теперь, почему раскольничье население со всех стран теснится теперь в Бессарабию, почему черниговские и других губерний раскольники находят удобным для себя снимать под баштаны земли в Хотинском уезде и этою целью приходят во множестве, сбывая плоды заграничным торговцам, которые для того являлись толпою на погра-

нические рынки. (Впрочем, эта торговля в настоящее время, при существующих обстоятельствах, лишена удобной свободы и открытого хода). Понятно, почему к городу Хотину, кроме села Грубна, приписаны в звании мещан жители четырех раскольничьих сел Подольской губернии: Екатериновки, Петровки, Жуковец и Куреневки, пользующейся особенною известностью[5]. Впрочем, все эти липованы слишком умны для возбуждения подозрения в местных начальствах уклонением от официальных торговых сообщений. Карантинное начальство в Скулянах удостоверяло меня, что раскольники не чуждаются того рода сношений, который производится под наблюдением карантинных чиновников. Так, измаильские купцы, и в том числе купец Беляев, известный Министерству как передатчик писем, винницкий купец Иван Иванов, приезжают сюда, то есть в Скуляны, для торговли с Молдавией, откуда за товарами являются яские купы: австрийско-подданный Гаврила Семенов Богомоллов (имеющий будто бы, как говорят, свой дом в Киеве, на Подоле), Поляков и братья Логиновы. При переговорах

в карантине присутствуют комиссары, которым, впрочем, по их словам, никогда не случилось заметить ни одного малейшего намека на что-либо важное для правительства. Существует даже обычай, что раз в году, 29 июня, жители обеих сторон сходятся между собою для свидания; но и тут карантинные чиновники не открывали ничего подозрительного.

Итак, из вышеизложенного, а особенно из личного обзора местности, невольно убеждаешься, что при ловкости и хитрости, при напряженной бдительности и неутомимых стараниях раскольников, все полицейские меры к преграждению сношений и побегов, так вредных для России, оказываются совершенно недостаточными. Для этого нужен был бы сплошной забор из живых людей с неподкупною честностию; но такая благонадежная ограда, конечно, невозможна, почему и открывается необходимость в каких-нибудь других более существенных мерах. Раскольничьи селения в Верхней Бессарабии, сколько я мог узнать, следующие:

Грубно на земле помещика Маразли, Хо-

тинского уезда, Романкоуцкой волости, верстах в 40 от Хотина, куда они приписаны мещанами. В Грубне более 150 семейств, занимающихся хлебопашеством и торговлею. Жители, как и вообще все русские, считаются в сравнении с царанами отличными хозяевами, подчиняя влиянию своего доброго духа и расторопности ума ленивых и беспечных молдаван. Село их со всех сторон окружено густым лесом, имеет церковь, обращенную в часовню, и колокольню без колоколов, взамен которых употребляют они чугунное «било», то есть доску. Между грубенскими раскольниками самые замечательные, как говорят, Василий Ребицкий и Фома Герасимов, впрочем, люди безукоризненного поведения во внешнем, полицейском смысле этого слова. Белоусовка, другое селение Хотинского уезда, населено молдаванами и липованами вместе. В Сорокском уезде есть раскольничье селение Кипучее. Месяца 3 тому назад 47 липованских семейств из Подольской губернии изъявили желание перечислиться в сорокские мещане. В Оргеевском уезде находится селение Серково, где прежде был раскольни-

чий монастырь. Кроме того, во всех городах Бессарабской области живут старообрядцы под названием «часовенных».

Что же касается до Нижней Бессарабии, то во всей угловой стороне, называемой Буджаком, между Днестром и Дунаем, мало встречается молдаван. Народонаселение здесь состоит кроме колоний большею частью из беглых преимущественно русских раскольников и малороссиян, которые почти все православные. Многие бежали сюда еще с давних пор; здесь есть потомки стрельцов, запорожцев и вообще казаков, укрывшихся сюда от водворяемого государственного порядка. Такой же сброд населяет и прилегающую к Дунаю Турцию, где, кроме городов Тульчи, Исакчи и других, в коих целые кварталы полны русских жителей, находятся, сколько я мог дознать, следующие русские селения:

1. Серакей имеет 30 дворов к северо-востоку от Бабадаха.

2. Журиловка, в настоящее время резиденция раскольничьего архиерея, которого одни называют Аркадием, другие Спиридоном[6], при озере Головице, в 20 верстах к югу от Ба-

бадаха, 125 дворов.

3. Старая Слава, в 12 верстах к юго-западу от Бабадаха; 100 дворов.

4. Каменка, 120 дворов в 2 верстах от Дуная и в пяти к югу от Матчина.

5. Новинки, несколько выше Гирсова, 45 дворов.

6. Татарица, выше Силистрии, 60 дворов.

7. Майноза в Анатолии, к западу от города Брусы и в 25 верстах от берега Мраморного моря, 500 дворов.

8. Есть еще Дубровка, географическое положение которой мне неизвестно.

Все они обложены податями, но избавлены от рекрутства и управляются сельскими атаманами, избираемыми будто бы ежемесячно. Около Измаила и частью в самом Измаиле находится несколько приписных к нему некрасовских слобод. Некрасовцы, коих считается более 2500 душ, все старообрядцы поповщинского толка, переселились в Россию со времени последней турецкой кампании, вследствие, как говорят они, высочайшей грамоты, дозволявшей им свободу вероисповедания и богослужения. Поэтому коло-

кола с их колокольни не сняты, и хотя в настоящее время они лишены попа, взятого по распоряжению правительства за противозаконные поступки, однако не теряют надежды иметь другого и открыто разыскивают себе всюду способного и более достойного священника. В Килии также более 150 семейств липованских. Но замечательнее по духу и характеру своему раскольники посада Волкова, о которых необходимо распространиться подробнее.

Волковский посад, или прежнее селение Волково, лежит при одном из устьев Дуная, верстах в 12 от моря, в 5 от Базарчука и в 30 от Килии. Оно существовало еще при турецком владычестве. Ревизских номеров всего 578, из коих ныне находящихся в бегах около 100. Общество делится на малорусское и великорусское. Под первым именем разумеются одни православные, под другим одни раскольники, которые действительно говорят самым чистым русским языком. И те и другие занимаются исключительно рыболовством, живут согласно, но в то же время представляют между собою резкую противоположность: у мало-

россиян – православная церковь, куда собираются по праздникам, свадьбы и крестины празднуются с песнями и открытым весельем. У раскольников также есть церковь, в которой они, хотя и собираются по воскресеньям, но без священника и, зажигая свечи, ограничиваются чтением одних молитв, ибо совершать таинства некому. Дети их, как и у всех бессарабских раскольников, остаются некрещеными по 6 лет и более; молодые четы живут также большею частию невенчанными, слагая, говоря их словами, «грех блудного сожития на преследователей». Поведение их, по удостоверению местного начальства, примерно-тихо; они не замечаются ни в пьянстве, ни в буянстве, и вообще ведут жизнь строгую, безо всяких простому быту свойственных увеселений. Это селение было довольно богато до тех пор, пока воды устья состояли в их полном распоряжении; но лет семь тому назад эти воды были отданы на откуп вместе с прочими водами дунайскими, а они обязаны были ловить рыбу своими снастями на откупщика, который выдавал им за каждый пуд плату по собственной, им же составленной,

таксе. Желая возвратить себе воды, они предложили правительству взять от них в пользу крестьян Государственных Имуществ принадлежащие им пять десятин земли, а их самих, как имеющих один промысел – рыболовство, записать в мещане.

Земля поступила во владение крестьян, волковцы названы мещанами с учреждением у них ратуши; но вод им не отдали. Тогда, вследствие представлений князя Воронцова, дело это дошло до Правительствующего Сената. Года четыре тому назад последовал указ 1-го Департамента, где, согласно с мнением г. министра внутренних дел и князя Воронцова, объяснявшего в своем рапорте заслуги волковцев в последнюю Турецкую кампанию и важность для них единственного промысла рыболовства, поведено было, по окончании срока откупному контракту, отдать волковцам воды по берегам Дуная, прилегающим к их землям. Но по окончании срока контракт был возобновлен с новым откупщиком-евреем, а вследствие нескольких неясных выражений сенатского указа полиция Государственных Имуществ размежевала воды так,

что предоставила волковцам самую незначительную часть – Гусинский Ерик, где, по их отзыву, почти и не водится рыбы. Они вновь обратились с просьбой к князю Воронцову, который, объявив волковцам свое сочувствие их домогательству, поручил генерал-лейтенанту Федорову войти в ближайшее рассмотрение сего предмета. Какие были действия генерала Федорова, неизвестно; но этому прошло уже более года, и волковцы сильно ропщут. Обстоятельство это, как видно будет ниже, может иметь весьма важные по вреду последствия. Цена же, за которую откупщик вникает все воды дунайских устьев, в том числе и волковского, составляет 20 тысяч рублей сереб. в год.

Жабриены – также раскольничье селение в 1,5 верстах от моря и в 15 от Волкова, вместе с сим последним и другими селениями Измаильского градоначальства, заведывается особым чиновником, имеющим пребывание в Волкове.

Тайная переправа через Дунай так же удобна и так же легко производится, как и переход через границы в Верхней Бессарабии.

Дунай, склоняясь к морю, разветвляется на многие рукава и протоки, образует острова и лиманы и, покрытый с нашего берега высоким камышом, а с турецкого – густым лесом, делает местность еще более удобною для укрывательства бродяг и для побегов; казачий же дух жителей Буджака и дерзость на воде рыболовов доставляют к тому верные способы. В самих раскольниках более оседлости и они переходят почти из одних религиозных побуждений; но между малороссиянами нередки такие примеры, что жена, невзлюбив мужа, муж, наскучив женой, бегут в Турцию и там заключают новые браки. Есть даже такие промышленники, которые вербуют по России баб и девок и потом перевозят за Дунай, где с их же согласия распродают их русским беглецам, нуждающимся в женах. Один из таких находился в остроге городка Рени при мне (Максим Овчаренко), другой, Михайло Черненко, по прозвищу Михни Дра-ла, ушел недавно совсем за границу. Из числа бежавших в течение последних лет замечательны были двое Колесниковых, отец и сын, оба ревнителю раскола. У отца Флора найде-

ны были здесь бумаги и стереотипные доски для печатания церковных книг; после их побега они вскоре были пойманы в Молдавии и отосланы в Россию, где, изъявив желание присоединиться к православию, получили свободу и немедленно вновь бежали, возвращаясь снова к расколу. Отец Колесников умер, а сын его, Степан Фролов, доселе живет в Яссах с ремеслом переплетчика.

Вот по возможности собранные мною сведения о раскольничьем народонаселении в Бессарабии и о пограничных его сообщениях.

Вслед за этим естественно возникают вопросы: каково состояние его духа, в чем заключаются его ожидания и надежды; достигают ли меры правительства желанной цели и как обходятся поповщинцы без попов?

Хотя, как уже сказано, раскольники и ведут себя с благоразумною тишиною, но полагаться на это невозможно. Нельзя и думать, чтобы изувер-раскольник равнодушно видел своих детей некрещеными, браки – неосвященными, мертвых – неотпетыми; чтобы человек, признающий таинства, спокойно оставался без их совершения. Сколько я мог заме-

тить, в них ежечасно накапливается скрытое негодование, и решимость разорвать союз с родною землею, оскорбляющею будто бы их веру, которая для них дороже отчизны, возрастает все более и более. Меры правительства, имевшие разумною целью не узаконять бегства православных священников в звание раскольничьих попов, не заставили, однако же, старообрядцев обратиться к единоверию. Правда, два или три семейства в Хотине прибежали к православным священникам для совершения треб, но все прочий остались тверды в своем заблуждении и предпочли жизнь, по мнению их, в невольном грехе, полагая, что они за это не будут отвечать Богу. Такого рода грубый и закоренелый фанатизм не может быть подавлен начальственными мерами, но только усиливается через них и, стремясь к цели, способен обмануть всякую бдительность правительства, как бы зорко оно ни было. Получив силы от возникшей за пределами России новой лжеиерархии, раскол участил сношения со своими единоверцами, сделавшимися иностранными подданными; и связь кровного родства с православными

русскими непрестанно слабеет. Если заграничное влияние не достигло всей своей полноты, так это потому, что Измаил недавно только лишился священника и что после того наезжавший иногда поп из России давал им возможность обойтись без пособия нового духовенства у себя дома. Но во время его отсутствия они ездили и ездят за границу, преимущественно в Белую Криницу, снабженную 12-ю попами, или в Молдавию, где в Яссах, на Красном Мосту, живет поп Григорий Киревич, а в Мануиловке, верст 70 далее за Яссами, другой, важнейший Алексей Панкратов. К ним преимущественно прибегают для исполнения обрядов русские за границей; но сами они после неблагополучного путешествия отца Геронтия, взятого в Петербург, не отваживаются в пределы России, несмотря на большие суммы, им предлагаемые. Они предпочитают зазывать раскольников к себе, а эти посещения чужих краев имеют опасные последствия; ибо раскольники, переходящие туда из побуждений веры, заражаются там политической и доводят вопросы религиозные до размера политических.

Между тем эти побегии готовы повторяться чаще и чаще и обратиться в целые переселения: ибо число доморощенных попов уменьшается с каждым днем, а остающиеся, пользуясь своим положением, берут огромные деньги за совершение обрядов[7], многократные же переезды на время за границу слишком неудобны и разорительны для бедных людей. В озлоблении своем раскольники произносят страшные речи... «Чего они хотят? – так говорили они недавно в Кишиневе в доме Пискарева. – Если правительство будет продолжать свои преследования, то или нашего духу не останется в России, или же...». Этой фразы они обыкновенно не доканчивают... Волковцы, налегая больше на лишение их свободы рыболовства и умалчивая о других причинах, в разговоре со мною впустили между прочим следующие слова: «Конечно, оно хоть и не приходится оставлять место, где родились и жили наши деды, хоть оно и тяжело, все как-то надеешься – да что же делать, придется снаряжать лодки и забирать с собой жен и детей». И действительно, можно прямо поручиться, что этот смелый народ при новом отказе го-

тов весь подняться на лодках в море, с которым дружен с детства, и уплыть к чужеземным берегам, уплыть для того, чтобы вместе с другими беглецами усилить раскол за границей, чтоб увеличить число добровольных изгнанников из России, на нее негодующих, чтобы послужить новым свидетельством нашего внутреннего религиозного разъединения, чтоб сделаться орудием чужой политики, чтоб образовать там новую силу, враждебную нам!.. Эти последние слова относятся к замыслам польских эмиссаров[8], которые пытались устроить там, за Дунайской границей, новое казачество, подобное запорожскому, и одного из малороссов, Осипа Гончаренко, назначить гетманом. Эта новая враждебная сила должна была признать и новую лжеиерархию. Таким образом, с понятием о последней соединяется и понятие о возможности отдельного, самостоятельного политического значения и всякого разрыва с православною Русью. Попытка эта, важная как мысль, не удалась. Все подробности ее мне неизвестны, но одною из причин неудачи были религиозные распри. Заграничная деревня

Серакей возбудила сомнение, что лжемитрополит был крещен не чрез погружение, а чрез обливание.

К этому присоединилась и нелюбовь русских к грекам, страх подпасть под зависимость греческого духовенства, наконец, и то, что новая иерархия учреждена была собственно стараниями одних белокриницких монахов, при содействии иезуитов, без участия придунайских раскольничьих старожилов. Эти дунайские старожилы, состоя под турецким владычеством, много отличаются от австрийских раскольников, подчиняющихся непременно более или менее европейскому влиянию и из коих, как известно, некоторые заседали даже в Пражском сейме... Когда поставленный митрополитом архиерей прибыл на Дунай, то Серакей не признал ни его, ни рукоположенного им попа Онисима; его примеру последовали часть Старой Славы, Каменки и Новой слободы (Новинов). Архиерей же избрал местом пребывания Журиловку, которая приняла его вместе с прочими русскими селениями в Турции.

Вскоре после того Бабадахскому аяну сде-

дали донос, что раскольники, признавшие греческого митрополита, хотят соединиться заодно с греками и ниспровергнуть Оттоманскую Империю. Дело доходило до султана, а между тем (как рассказывал мне один некрасовец Памфил Онисимов) архиерея, попа Онисима, Осипа Гончаренко и какого-то Дмитрия Свиткова засадили в тюрьму, где они и находились около 6 месяцев. Наконец, султан приказал их освободить, повелев вместе с тем, чтобы принявшие новое духовенство жили отдельно от не признававших его и чтоб первые выехали все из Серакея и Славы. Но самое важное обстоятельство, которым наше правительство, конечно, не оставит воспользоваться, это то, что те же семена раздора перенесены через Дунай и к нашим бессарабским раскольникам. Некрасовцы долго колебались и наконец, по убеждениям старика Памфила Онисимова (уроженца деревни Серакей) и еще какого-то Панкрата, решились не признавать новой иерархии, во-первых, потому, что считают лжемитрополита крещеным не чрез погружение, а чрез обливание; во-вторых, потому, что боятся таким образом

лишиться высочайше дарованных им прав. Памфил Онисимов, часто употреблявшийся измаильским полицейским Фон-Чуди для секретных дознаний о действиях поляков за турецкой границей, сам рассказывал мне все это, утверждая, что некрасовцы предпочитают иметь своего доморощенного попа и спокойно оставаться в России, пользуясь милостью Государя. Хотя поп и взят был от них, но они не считают себя лишенными права искать другого; нашли было одного, но он оказался пьяницей, и поэтому хотят просить позволения взять беглого попа, поставленного не новыми иерархами из Молдавии.

Он спрашивал меня, не известно ли мне, «отнимутся ли от них права или нет?». Я отвечал, что этого не знаю, но что они скорее могут надеяться удержать их за собою, не признавая нового духовенства, нежели признавая. Он тотчас же поспешил сообщить мои слова всей некрасовской общине. Хотя Онисимов и утверждал, что примеру их последовала почти вся Нижняя Бессарабия, однако волковцы на спрос мой, признают ли они Журиловского архиерея, отвечали сначала, что

признают, потом уже стали говорить, что некоторые из них признают, другие нет. В рассказе своем они сами без моего указания сообщили мне то же, что и некрасовец, и сами назвали Онисима и Панкрата, как главных противников лжеиерархии. На слова мои о крещении некоторые возразили, что этот вопрос уже решен белокриницкими монахами Алимпием и Павлом Васильевым, которые были отправлены на иждивение петербургского купца Громова и московского Волкова в путешествие по всем христианским землям для описания церковных обрядов и которые в книжке, ходившей у раскольников по рукам, доказали будто бы, что в месте рождения митрополита обряда обливания не существует. Спросить же восприемников они не могли за смертью их. Впрочем, надо заметить, что волковцы, находившиеся не на границе и сообщающиеся с Турцией морем, теперь, с наступлением зимы и с прекращением рыболовства, не могут иметь частые сношения с своими задунайскими единоверцами. Как далеко проник этот спорный вопрос в России, проследить я не мог[9]; но с достовер-

ностию можно предположить, что здешние раскольники-попы не совсем благоприятствуют этой новой заграничной фабрике попов, отбивающей у них хлеб, влияние и силу.

Поэтому наши доморощенные раскольничьи священники, несмотря на весь их вред, с одной стороны, с другой, могут, кажется, оградить нас от большей беды – от заграничного влияния. По сим-то уважениям, получив тайное донесение о пребывании беглого раскольничьего попа с Дона, под именем купца, в Кишиневе, в доме Пискарева, и в то же время узнав о затевавшихся было до его приезда намерениях многих из раскольников отправиться за границу для крестин и венчания, я не решился требовать от городской полиции (которая вовсе о нем и не знала) его задержания. Таким способом удалось на время остановить многие поездки за границу. Этот поп, скрывавшийся в Бессарабии под именем купца Никанора (тот самый, которого за пьянство не захотели взять к себе некрасовцы), теперь находится в Херсонской губернии, в селе Плоском, близ границы Ольгопольского уезда, где лежит тяжко болен в доме крестьяни-

на Григория Зверева, и бессарабские раскольники, боясь его смерти, уже думают между собою, как им быть без него на будущее время?

Что же кроме раскольничьих попов может служить противодействием заграничному влиянию, и способны ли русские чиновники и православные священники достигать этой благой цели правительства?.. Известно, что в глазах простого народа всякий крестьянин, всякий проникнутый ложным, но сильным убеждением мужик имеет гораздо более авторитета, нежели люди другого звания; православные же наши чиновники не только не внушают раскольникам уважения к себе своим полнейшим невежеством в православном учении, но еще постоянно раздражают оскорблениями по-видимому ничтожными, для поповщинцев же весьма чувствительными, как то: насмешками над их некрещеными детьми, над блудным сожитием и т. п. Всему этому был я много раз сам свидетелем.

Что же касается до православного духовенства, то из неоднократных разговоров моих с старообрядцами я убедился в совершенном отсутствии доверия к нему с их стороны. За-

коснелость раскольников доходит до того, что они считают наших священников казенными чиновниками, которые говорят только то, что им приказано. Они глумятся над тем, что архиереи подписываются у нас «смирненными архиереями и кавалерами», осмеливаются утверждать, что «Святейший Синод не Собор, а присутственное место, управляемое обер-прокурором» и что «в нем допускаются к службе лютеране и католики»; наконец, на упреки на оставление родной земли отвечают, что «уже лучше им жить между иностранцами, совершенно им чуждыми, нежели между своими обиностранившимися русскими». Подобные мнения остаются без искусных возражений, и поэтому полезно было бы, кажется, если бы духовной силе раскольников за границую была противопоставлена другая духовная сила с большим авторитетом.

В этом отношении православные иерархи славянских племен в Турции и Австрии, во всяком случае пользующиеся у них большим уважением, нежели российские, могли бы оказывать постоянную услугу правительству, действуя на старообрядцев проповедью и воз-

буждением общественного мнения, которое не тяготеет над ними за границу так, как оно тяготеет здесь, в пределах России.

Впрочем, нельзя не пожалеть, что даже между славянами православная иерархия находится большею частию в руках греков...

Итак, из всех приведенных фактов можно видеть, вполне ли достигают благие намерения правительства своих желанных результатов и достаточны ли принятые им полицейские меры. С этим вместе можно с достоверностью заключить, что в настоящее время существование у раскольников попов русского изделия менее опасно, нежели новая заграничная лжеиерархия. Первое есть явление чисто религиозное, которое носит на себе и политический характер, с примесью новых вредных мнений, проникающих в такой слой народа, который, к счастью, оставался совершенно им чужд доселе.

Вот подробное изложение наблюдений моих над раскольниками в течение краткого времени, проведенного мною в Бессарабии.

Соображения

В настоящее время положение раскольни-

чьих дел требует, по мнению моему, принятия некоторых особенных мер, а именно:

1. При очевидной недостаточности мер полицейских к преграждению побегов за границу и, следовательно, к предотвращению опасного в религиозном и в политическом смысле влияния заграничной лжеиерархии, необходимо отнять самый повод к побегам и для сего оставить на время существование беглых попов русского изделия без преследования, о чем и дать знать по секрету местным начальникам, а в особенности Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору.

2. Так как возбранить всякие сношения по границе способами полицейскими невозможно, то следовало бы, кажется, не разрушая известных уже правительству тайных путей раскольничьих сношений, ограничиться одним наблюдением за характером и значением сообщений бессарабских раскольников как с своими заграничными единоверцами, так и с раскольниками внутренних губерний. Для сего необходимо было бы иметь в Бессарабии постоянного благонадежного агента Министерства из чиновников, отправляемых

туда Министерством на службу.

3. В «Записке» моей сказано, что православное духовенство не пользуется у раскольников никаким авторитетом. Для восстановления его влияния необходимо было бы во всех местах, пограничных с раскольничьими поселениями или находящихся в одной с ними черте, назначить к православным церквям самых образованных, умных и достойных священников, способных уже одним поведением своим заслужить уважение сектантов. Сверх того, необходимо было бы, чтоб эти священники были приготовлены к действию на раскольников особым специальным образованием, которого иным способом они приобрести не в силах: ибо, с одной стороны, скрытность раскольников, с другой, недостаток средств сельского иерея мало представляют возможности к собранию всех нужных для достижения этой цели сведений.

4. Не мешало бы, кажется, чтоб генерал-губернаторы и начальники губерний внушали своим чиновникам, имеющим по службе своей сношения с поповщинцами, в отношении к последним соблюдать должное приличие и

не оскорблять их бесполезными и даже опасными насмешками.

5. Можно было бы войти в ближайшие сношения с славянскими иерархами в Турции и Австрии и, как они пользуются у раскольников большим уважением, нежели российские, убедить их действовать на раскольников за границую проповедью и возбуждением общественного мнения, которое не тяготит над ними там в такой степени, в какой тяготит над ними в самой России.

6. Что касается до волковцев, то их можно было бы надолго успокоить, если бы дать ход их домогательству относительно неправильного размежевания вод. Для сего следовало бы спросить генерала Федорова по поводу дошедших до Министерства сведений «о настоящем положении этого дела».

7. Необходимо поддерживать между раскольниками мысль, что лжемитрополит крещен чрез обливание, а не чрез погружение.

Примечания

На австрийской границе.

[^^^]

Вот образец этого языка: «Христос рождается, но не славится»; это значит, как толкует некто Поляков, в Хотине, состоящий в раскольничьем обществе, но изменивший ему и не принадлежащий ни к какой религии: родилось дитя, но крестить некому. Или: «Бабушка Афимья еще жива. У нас шьют дешево шубы, значит, не боятся холодной зимы». То есть, по его же истолкованию: бабушка Афимья должна означать какое-нибудь важное между ними лицо; шьют шубы – ожидают попов, ибо не боятся преследований. Впрочем даже между ними не все равно посвящены в таинство и замыслы секты, а есть градации.

[^^^]

3

Например, в Валерусулце, в Болотине...

[^^^]

4

Дело о нем находится теперь в областном уголовном суде.

[^^^]

Куреневка, Подольской губернии, Винницкого уезда, в ста верстах от Хотина.

[^^^]

6

Впрочем, придунайские раскольники обыкновенно называют его просто архиереем.

[^^^]

7

До 300 рублей серебром за одно обвенчание и пр.

[^^^]

8

В особенности Потоцкого, жившего в Турции с этим намерением целый год.

[^^^]

По возвращении моем из Бессарабии в Москву, я узнал, что Рогожское кладбище не признает лжеиерархии; по крайней мере большая часть из прихожан, коих всех считается до 100 тысяч.

[^^^]